

«ВСЕМ РЕБЯТАМ ПРИМЕР»: ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена особенностям развития пионерской организации в 1920–1930-е гг. и отношению к ней пионеров, взрослых и советской власти. Автор показывает, что реальность не всегда соответствовала идеальным представлениям, в частности потому, что властные постановления сталкивались с желаниями детей, которые поддавались контролю гораздо меньше, чем воля взрослых. Тем не менее, пионерия сыграла значимую роль в создании нового человека и становлении советской системы. В тексте рассматривается влияние членства в организации на систему ценностей ребенка, степень его включенности в общественно-политическую деятельность и зависимость от пионервожатых и педагогов.

Ключевые слова: пионерия, советская школа, советское детство.

С приходом к власти большевики одной из своих основных целей поставили создание нового общества и новых людей, способных продолжать завоевания революции и сохранять их, приближая наступление коммунизма. Фактом неготовности основной массы населения страны жить и мыслить по-новому В. И. Ленин объяснял необходимость диктатуры пролетариата и жестких политических решений. С целью перевоспитания граждан создавался комиссариат просвещения и реализовывался план монументальной пропаганды. Жителей новой страны должны были окружать памятники новым героям, церковные праздники предстояло вытеснить революционными, а Евангелие и жития святых – газетами, научной литературой и сочинениями Маркса и Энгельса.

Если в имперской России образование «кухарок» подрывало политический строй, то в советской – наоборот. Образование было призвано, *во-первых*, разоблачить церковь, воплощавшую собой старую идеологическую систему, как рассадник антинаучных вредных суеверий; *во-вторых*, создать позитивный образ новой власти и будущей жизни страны, задать определенную идеологическую программу; *в-третьих*, подготовить специалистов, способных работать на новое государство; *в-четвертых*, показать, что можно жить лучше, чем конкретный человек живет сейчас, благодаря системе социальных лифтов. То есть образование носило, по сути,

характер информационного оружия. Однако оно выполняло и свою непосредственную функцию обучения. Кроме того, из-за кадровых проблем в школах идеологические установки на практике далеко не всегда доходили до детей. Нужны были более действенные способы воздействия на их сознание.

Одним из таких способов стало создание детской политической организации – пионерского движения. Оно существовало независимо от системы образования, хотя форпосты пионерских отрядов нередко базировались в школах, а сами отряды и звенья повторяли организацию детей по учебным заведениям и группам. Пионерия включала в себя детей в возрасте от 9 до 14 лет и готовила их к вступлению в комсомольскую организацию, которая поставляла кадры непосредственно в коммунистическую партию. Предварительным этапом к вступлению в пионеротряд служила октябрятская организация, объединявшая детей с детского сада. Таким образом, была сформирована трехступенчатая система подготовки партийцев и воспитания советских граждан в целом. Октябрятя в силу возраста получали меньшую порцию политической информации. Комсомольцы по той же причине должны были достаточно осознанно относиться к политической и идеологической стороне жизни. Пионеры же представляют собой часть цепочки, наиболее подверженную воздействию, поскольку именно в их возрасте происходило формирование базовых ценностных установок, и у них, наряду с пластичностью сознания, присутствовало проявление индивидуальной воли, осознание отделенности себя как личности от родителей и педагогов. Надежда коммунистам, помощь комсомольцам, пример октябряткам – пионеры были значимой частью проекта по созданию нового человека.

Важен тот факт, что в отряд могли вступить не все дети соответствующего возраста, особенно в начальный период существования движения, хотя многие дети из «чуждых» слоев стремились стать пионерами и комсомольцами: «прием производится с большой осторожностью, втягивается молодежь по происхождению рабочая и крестьянская и лучшая часть служащей... пять человек было отклонено, так как имели неподходящую к союзу идеологию» [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 43, л. 3]. Это создавало некую элитарность в детской среде, особенно с учетом того, что пионеры, ведущие активную общественно-политическую жизнь, ударники учебы и дети ударников производства имели возможность отдыхать в оздоровительных лагерях. Так, постановлением Президиума Курганского райисполкома от 15 апреля 1935 г. об организации пионерских лагерей было предписано «обязать руководителей хозяйств

и профсоюзных организаций приобрести путевки для детей лучших ударников производства... отправлять только по рекомендации пионер-отрядов школ... В первую очередь посылать детей рабочих и пионеров, пострадавших от контрреволюции, остальных – во вторую очередь» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 193, л. 32].

Как видим, избирательный подход налицо. Учитывая общую удручающую обстановку, пионерский лагерь был своего рода раем для ребят: там, как минимум, хорошо кормили. Правда, деньги на лагерь выделяло не государство, как принято считать сегодня, а собирали сами родители и организации, в которых они работали: «500 человек на 2 смены по 250 человек. Расходы: профсоюзы – 16 999, школы через комсодии – 2 000, родители – 7 000, ЖД – 21 000, хоз органы – 44 235» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 193, л. 32]. Дети, конечно, об этом задумывались мало. Кроме того, у особо отличившихся пионеров была возможность попасть в элитный «Артек» на побережье Черного моря: «Считать необходимым послать товарищей Беляеву Марию – дочь рабочего-смазчика железной дороги, пионерка с 1924 года, и Кубашевского Иосифа – сын рабочего-кочегара железной дороги, пионер с 1927 года» [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 796, л. 83].

Важно, что изначально советская власть рассматривала проекты национализации всех детей страны – А. Коллонтай всерьез предлагала изъять их из семей и поместить в детские дома, чтобы под контролем государства создать из них идеальных граждан. Конечно, этот утопичный проект реализовывать не стали, но вот охватить всех несовершеннолетних школами, детскими садами и яслями действительно стремились. В октябрята посвящали всех детсадовцев, а чтобы стать пионером или не быть исключенным из отряда, нужно было соответствовать определенным критериям. То есть, пионерия – это, по сути, все тот же проект по созданию нового идеального человека, только суженный до пределов членов организации – разумный выход из ситуации, когда перевоспитать всех детей оказалось невозможным.

Пионерия предоставляла детям пространство волеизъявления и самостоятельного существования – в определенных границах, строго прописанных в Уставе и клятве, которую давали ребята, повязывая красный галстук. Это пространство было абсолютно надежным, так как его выделила и сакрализовала власть. Она гарантировала участникам проекта карьерный рост, защищала от посягательств со стороны родителей, педагогов и других взрослых, не до конца уловивших направление общественного развития. На пионеров возлагалась особая миссия: «под общим руководством Третьего интернационала... вовлечь детей в общественно-полити-

ческую жизнь, воспитать из них стойких бойцов-коммунаров...» [Гессен, с. 160] – то есть «посвященные» должны влиять на всех остальных детей и исправлять их к лучшему. И не только детей, но и взрослых, и самих себя: «проводя большую работу среди окружающих... пионеры должны, не переставая, пополнять свои знания» [Там же, с. 146], «должны поставить себя так, чтобы передовое учительство видело в них своих ближайших помощников» [Там же, с. 143].

Однако политические проекты и реальная человеческая жизнь разительно различались между собой. *Во-первых*, потому что непосредственное воспитательное воздействие на детей оказывали взрослые, получившие воспитание и образование преимущественно в имперской России, которые не всегда хотели и могли верно истолковать установки властей по отношению к детям. *Во-вторых*, в силу нехватки денег и слабой материальной базы для реализации воспитательно-образовательных инициатив. *В-третьих*, потому что сами дети, как личности и члены семей с определенными традициями и ценностными установками, далеко не полностью поддавались переделке со стороны пионервожатых, комсомольцев и учителей.

В XX в. в силу развития технологий власть получила способ непосредственного воздействия на детскую психику в обход взрослых – через детскую литературу, средства массовой информации, игры и фильмы. Появился заказ на пионерскую беллетристику и детское кино, на законодательном уровне разрешались или запрещались определенные виды детских игрушек. Однако и в этом власть не была полностью самостоятельна: она зависела от детей. В отличие от взрослых, дети не принимали то, что им не нравится только потому, что так требует система (имеются в виду игры, книги, фильмы). А если и принимали, то не воспринимали, и воспитательный эффект не возникал. Кроме того, в 1920-е гг. пионерия, представляющая власть, имела достаточно сильных конкурентов в лице скаутов, юков¹, а также членов детских и юношеских организаций других политических толков – эсеровского, анархистского, меньшевистского [Рыбаков].

В связи с этим кажутся точными замечания Л. В. Алиевой, что пионерство – реальность, выросшая из объективной действительности начала века, а не сугубо создание коммунистической партии и комсомола [Алиева] и В. А. Кудинова о субъективной потребности подростков и молодежи в объединении для участия в общественной жизни [Кудинов]. Пионерия победила конкурен-

¹ ЮКИ – организация молодых скаутов-коммунистов, возникшая в 1918 г. по инициативе А. В. Луначарского (*прим. ред.*).

тов не только благодаря политическому давлению, но и потому, что смогла удовлетворить детскую потребность быть причастным к чему-то важному и большому. Об этом вспоминает один из жителей Курганской области Филимонов: «Когда стал пионером, чувствовал себя строителям государства – вроде как теперь мы должны помогать старшим. Разъяснять, что наступает другое время» [Воспоминания. Филимонов В. А.].

При этом по-настоящему политической нагруженности пионерское движение для детей не имело: «В школе говорили про Ленина, Сталина, но мы не особо обращали на это внимание. Кто постарше – те конечно. А мы до 6 класса нет. У нас еще не было таких серьезных взглядов» [Воспоминания. Комарский И. А.]. То есть, по сути, для детей это была игра во взрослых, привыкание к ответственности. Для привлечения детей, с трудом понимавших в раннем пионерском возрасте политические установки движения, большое внимание уделялось внешним атрибутам детской пионерии – флагу, красному знамени, значкам, портрету Ленина в детском возрасте, барабанному бою, строевым упражнениям. Как пишет исследовательница советского детства Ю. Салова, «сами дети принимали многие формы воспитания... за новую игру, которая не выглядела идейным насилием над личностью, особенно для учащихся начальной школы» [Салова]. Это была игра во взрослую жизнь, как игра в «больницу», «магазин» или «дочки-матери», только включенная в реальность и приносившая действительную пользу обществу.

Но за кажущейся простотой детского отношения к пионерии скрывался значительный результат. Вместе с красным галстуком входили в привычку, становились частью жизни имена вождей и политиков, пусть часто неидентифицируемые со своими реальными прототипами; революционные атрибуты, разговоры о коммунизме, четкая организация коллективной отрядной деятельности, пионерские суды, стенгазеты, соцсоревнования. Привыкая, ребенок переносил усвоенные незаметным образом ценности во взрослую жизнь. Поэтому было важно привлекать в отряды и «чуждых» детей, пользуясь возможностью их перевоспитания. В одном из отчетов о Кургане пишут: «На 15 апреля 1930 в пионер-отряде состоит 53 человека, мальчиков 19, девочек 33, от 10 до 16 лет, детей рабочих 34, служащих – 13 и прочих 5» [ГАОПДКО, ф. 13, оп. 1, д. 37, л. 75] – то есть, пролетариев большинство, но далеко не абсолютное, и, кроме служащих, присутствовали «прочие». Поскольку, по определению В. Гессена, «пионеры в школе – ядро, которое обеспечивает коммунистическое влияние» [Гессен, с. 141], вступившие в отряд должны были хотя бы внешне проявлять уважение к партии и любовь к власти.

По данным Ш. Фицпатрик, к концу 1925 г. пионерами были 15 % учеников школ первой ступени и 23 % – второй ступени [См.: Рожков, с. 83]. По отдаленным регионам пионерское движение распространялось в замедленном темпе: в Курганском округе к 1926 г. в пионерорганизации числились 4,25 % детей [ГАОПДКО, ф. 13, оп. 1, д. 714, л. 2].

В реальной жизни самые убежденные пионеры и комсомольцы чаще всего выступали активистами в учебной и общественной жизни [ГАКО, ф. Р-800, оп. 1, д. 4, л. 129об.], сражались с собственной неграмотностью и неграмотностью взрослых, а некоторые – с пережитками дореволюционных порядков, как и рассчитывала власть. Организовывая шефство над членами какой-либо организации или кругом лиц, менее грамотных и «современных», чем сами пионеры, последние могли выполнять и требуемую от них работу с «неорганизованным элементом» – то есть, не вовлеченным в коммунистическое движение – как детьми, так и взрослыми [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 43, л. 3]. Большую роль пионеры играли в культурно-массовой работе, особенно на селе.

От детей требовали, особенно в 1920-е гг, политической активности, революционных настроений, борьбы с «контрой» в школе, на улице и в семье. Среди детей встречались настоящие борцы за новый быт: в прессе даже публиковали жалобы родителей: «Я ей про мученицу Катерину, а она мне про Клару Цеткин!» [Красный Курган, 1924, № 54]. У многих родители или бабушки с дедушками верили в Бога, имели в доме иконы и приучали детей к молитве. В результате дети жили двойной жизнью – религиозной дома и атеистической в школе и отряде.

Как отмечает Рожков, по советской статистике конца 1920-х гг. 30 % школьников посещали храмы; 36 % исполняли обряды (в основном добровольно), в том числе и пионеры [Рожков, с. 166]. «Антирелигиозное воспитание поставлено плохо» – отмечается в акте исследования одной из курганских школ [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 28]. «В бога верили, – вспоминает уроженец Мокроусовского района бывший пионер А. Н. Корюкин. – Но я не объявлял никому и никто меня не знал, что я верую в бога» [Воспоминания. Корюкин А. Н.]. «Семья у меня была верующая, особенно бабушка. Но мы не афишировали – это ведь запрещено было. Если бы узнали, что я молюсь, меня бы и в комсомол не приняли, и в пионеры», – вспоминает А. Н. Комарский из Половинского района [Воспоминания. Комарский А. Н.].

Таким образом, по мнению Рожкова, с которым мы согласны, ребенок «приучался сидеть на двух стульях сразу, используя в своих интересах, исходя из ситуативного контекста, и атеизм, и веру в Бога» [Рожков, с. 162], притворство становилось нормой жизни. Приспосо-

бляемость и способность мимикрировать формировались не только по отношению к религии и семейным ценностям. Нередко отношение «отстраненной вовлеченности» относилось к коммунистическим организациям – в них вступали, чтобы оказаться в кругу успешных, а в 1930-е гг. – чтобы не выделяться из коллектива: «Просили меня, чтобы в пионеры вступил. Ну, я в пионеры-то вступил, да работы-то никакой не вел», – вспоминает житель Курганского округа. В числе прочего такая отстраненность была результатом некачественной работы пионервожатых, которые по какой-то причине поленились заинтересовать ребят и направить их работу. Такие проблемы в результате кадрового несоответствия не были редкостью. В одном из отчетов по городским школам в феврале 1930 г. пишут: «Пионеров в школе 37, октябрят 40. Влияние пионеров на массу учащихся не чувствуется. Пионеры ничем от нее не отличаются... С октябрятами систематической работы не ведется» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 26].

Важной частью детской жизни на рубеже 1920–1930-х гг. стало проведение соцсоревнований разного уровня, в которых принимали участие пионеры, обязанные расширять масштабы своего движения, или, напротив, обычные школьники, которые стремились вступить в отряд: «Внутришкольное соцсоревнование проводилось через вызовы в стенгазете. Вызов бросали отдельные группы по сбору утильсырья, м/тары, вступлению в пионеротряд, ликвидации неграмотности» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 1]. Часто такие вызовы обращались к соседним школам или определенным классам из других школ. В 1930 г. приводятся такие данные о достижениях в работе одной из городских школ первой ступени, полученных благодаря соцсоревнованию: «силами детей обучено 35 неграмотных, хорошо налажена самопомощь в учебе, много сделали родители по оказанию помощи бедноте. Большой рост пионерорганизации (120 пионеров против 40 в прошлом году, ударные бригады по учебной работе)» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 2]. Иногда учителя и вожатые чересчур увлекались такими методами: «Дети вызывают друг друга на каждом уроке на лучшее письмо, на рассказывание, сбор картинок и прочее... индивидуальное соревнование и поощрение его воспитывает в детях эгоизм, бахвальство и индивидуализм» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 27]. Последние качества в новом обществе были не нужны и новые люди должны были искоренять их в себе, а не наоборот.

Вообще после школьных реформ середины 1930-х гг. идеальный пионер почти сравнился с идеальным школьником – политика воспитания революционеров сменилась приоритетом консервации достигнутого. Как отмечает К. Келли, вместе с реформами образования

«пропагандистский акцент с “ребенка-активиста”... был перенесен на образ ребенка, благодарно пользующегося благодеяниями государства» [Келли]. На наш взгляд, это было симптомом взросления власти и признания ею детства как особого периода в жизни человека. Несмотря на строгую дисциплину, иерархию, режим и школьную форму, дети 1930-х гг. имели больше свободы, чем их сверстники предыдущего десятилетия – в первую очередь, свободу быть детьми, а не малолетними революционерами.

По воспоминаниям одного из жителей Курганского округа, «пионер должен был хорошо учиться, хорошо выполнять все задания по подготовке к ГТО и все нормы: сколько раз подтянуться на турнике, сколько пробежать и так далее. Мы клялись беречь Родину, уважать родителей, уважать учительницу. Мы все выполняли. А кто не выполнял, того оставляли после уроков...» [Воспоминания. Филимонов В. А.]. Вожатым рекомендовалось внедрять более жесткие санкции за прогулы и нежелание работать: «Если пионер не посетит 3 раза без уважительной причины, то его исключить... Ненчинову исключить, взять галстук и билет. Всем ребятам подтянуться. Если будут баловаться и хулиганить, то с ними будут строго...» [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 99, л. 5].

А. Ю. Рожков считает, что: «можно усомниться в правомерности представлений о молодом поколении 1920-х в целом как идейной опоре советского режима» [Рожков, с. 532] – прагматичная активная молодежь вступала в пионерские и комсомольские организации, а затем в партию только ради «личной выгоды и собственного благополучия, а не абстрактных лозунгов о коллективном счастье в коммуне», а пассивная – покоряясь воле режима. На наш взгляд, это не совсем так, хотя подобные кадры в пионерии и комсомоле не были редкостью. При слабом руководстве и отсутствии хорошего вожатого такие явления приобретали массовый характер: так, в одном из курганских детских домов «мировоззрение ребят очень разнообразное, часто явно антисоветское, явно кулацкое... Пионер-отряд распался, так как дети не хотят совершенно быть в пионерорганизации» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 11, л. 235]. Но все-таки основная часть детей загоралась идеей общего дела так, что, даже сетуя на нерадивость вожатых, самоорганизовывалась и работала в силу своего возраста и умений.

Пионерия влияла на все аспекты детской жизни, заставляя по-новому осмысливать отношения с родителями и сверстниками, свое поведение, бытовые условия, мечты о будущем. Она была полем пересечения ценностей и их борьбы: почти каждый ребенок ставился в условия выбора между «правдой» школы и отряда и «прав-

дой» семьи. Реальный выбор детей того времени свидетельствует об успехе воспитательной кампании партии и кризисе традиционных ценностей, не способных предложить молодому поколению достойную альтернативу карьере в коммунистическом обществе.

Алиева Л. В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства: автореф. дисс... докт. пед. наук. М., 2002.

Воспоминания. Комарский И. А. 1927 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г. // Личный архив автора статьи.

Воспоминания. Корюкин А. Н. 1916 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г. // Личный архив автора статьи.

Воспоминания. Филимонов В. А. 1925 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г. // Личный архив автора статьи.

Гессен В. Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. Л., 1926.

Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-465 (Курганский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет); Ф. Р-800 (Отдел народного образования Курганского окрисполкома).

Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО) Ф. 13 (13 Шадринский окружной комитет ВКП(б)); Ф. 102 (Курганский городской комитет ВЛКСМ (ЛКСМ РСФСР)).

Келли К. Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (дата обращения: 27.07.18).

Красный Курган. 1924. № 53.

Кудинов В. А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России XX веке: автореф. дисс... докт. ист. наук. Кострома, 1994.

Рошков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.

Рыбаков Р. В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917–1920-е гг.) // Вестн. Томск. ун-та. 2014. № 382. С. 119–124.

Салова Ю. Г. Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов // Антропология советской школы. Культурные универсалии и провинциальные практики : сб. ст. Пермь, 2010. С. 152–164.